

Ю. М. Проскурина
Екатеринбург, Россия

Yu. M. Proskurina
Ekaterinburg, Russia

**ВАЖНЕЙШИЕ ЭТАПЫ В ОСМЫСЛЕНИИ
СОБЫТИЯ 1812 ГОДА В РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ И ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ**

**THE MAIN STAGES IN UNDERSTANDING
OF THE EVENTS OF 1812 IN RUSSIAN
LITERATURE AND LITERARY CRITICISM**

Аннотация. Рассматривается динамика художественного воспроизведения и восприятия событий 1812 г. в русской литературе и литературной критике XIX в. Вершинными этапами осмысления Отечественной войны называются 30-е (А. С. Пушкин и В. Г. Белинский) и 60-е гг. (Л. Н. Толстой и Н. Н. Страхов), в которые формируется понятие «истинный патриотизм».

Abstract. Dynamics of the literary reproduction and perception of the events of 1812 in Russian literature and literary criticism of the XIX century are discussed in the article. The key stages of understanding of the Patriotic war are dated 1930-s (A. S. Pushkin, V. G. Belinsky) and 1960-s (L. N. Tolstoy, N. N. Strakhov), in this period the concept «patriotism» came into being.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 года; художественное воспроизведение; читательское восприятие; переакцентуация; интерпретация; А. С. Пушкин; Л. Н. Толстой; В. Г. Белинский; Н. Н. Страхов; патриотизм.

Key words: Patriotic war of 1812; literary reproduction; reader's perception; reaccentuation; interpretation; A. S. Pushkin; L. N. Tolstoy; V. G. Belinsky; N. N. Strakhov; patriotism.

Сведения об авторе: Проскурина Юлия Михайловна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы.

About the author: Proskurina Yulia Mikhailovna, Doctor of Philology, Professor of the Chair of Russian and Foreign Literature.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 277.
e-mail: cafruszarlit@yandex.ru.

Современные новации в методологии науки не уменьшают интерес к традиционному историко-типологическому, сравнительно-историческому, историко-функциональному изучению литературы. Названные методы исследования связаны между собой, их взаимодействие основано на признании исторической обусловленности художественного сознания, на «*переакцентуации*», по выражению М. М. Бахтина, авторского и читательского восприятия во времени [Бахтин 1975: 232]. В силу этого постоянно *актуализируется внимание к новым «пикам» интереса писателей и реципиентов к изображению, в частности, Отечественной войны 1812 г. в литературе XIX в. Собственно, «переакцентуация», новые «пики» художественного воспроизведения и восприятия данного исторического события особенно заметны при сопоставлении 30-х и 60-х гг. названного столетия как в художественной словесности, так и в литературной критике.*

В 1830-е гг. литература откликнулась на очередную годовщину освободительной войны прежде всего *поэзией и мемуарной прозой*, что было отмечено В. Г. Белинским, назвавшем этот период не только пушкинским, но и периодом *массового стихотворства*, а также возросшего внимания к *запискам и мемуарам* («*memoires*») [Белинский 1953: 159]. Предпочтение названным жанрам диктовалось еще *незабытым эмоциональным состоянием* русского общества.

В «Бородинской годовщине» В. А. Жуковского (1839) и А. С. Пушкина (1831), в пермон-

товском «Бородино» (1837), в «Очерках Бородинского сражения» Ф. Н. Глинки (1839), в автобиографической повести Н. А. Дуровой «Записки кавалерист-девицы» (1831) воскрешались картины героической борьбы народа за независимость своей страны.

Попытки в художественной прозе, например в романе участника Отечественной войны М. Загоскина «Рославлев, или Русские в 1812 году» (1831) изобразить национальное сопротивление французскому нашествию не увенчались успехом. В. Г. Белинский, хотя и выражал уважение к автору этого романа за удачно схваченные отдельные эпизоды из простонародной жизни, тем не менее не находил в нем подлинной «художественности» [Белинский 1953: 399].

А. С. Пушкин в своем этюде «Рославлев» (1831) его названием и тем, что предоставлял слово как читательнице, так и героине романа М. Загоскина, акцентировал свою *полемику* с писателем-романтиком, предлагая свое понимание истинного патриотизма, межнациональных отношений, всеобщих гражданских обязанностей. В этом этюде, частично опубликованном в «Современнике» за 1836 г., А. С. Пушкин фактически предложил свою *модель исторического романа*: через сознание, судьбу обыкновенного, но умного человека показал общенациональное осмысление масштабных событий в жизни страны. Так, Полина, подруга читательницы Загоскина, под влиянием Отечественной войны превращается из скучающей посетительницы светских салонов в настоящую пат-

риотку своей страны. Она с возмущением заявляет: «Разве женщины не имеют отечества?.. Разве кровь русская для нас чужда?». Полина мучительно переживает падение Москвы, но когда узнает, что ее «пожар ... наших рук дело», восторженно заявляет: «...мне можно гордиться именем россиянки» [Пушкин 1969: 79].

В связи с подобными суждениями героини пушкинского этюда естественно воспринимается доброжелательное отношение самого писателя к повести Н. А. Дуровой, часть которой он публиковал в своем «Современнике». При этом А. С. Пушкин рекомендовал автору данного сочинения изменить его название: записки не «амазонки» (это звучит «слишком изысканно, манерно»), а просто «Записки Н. А. Дуровой», что выглядит «искренне и благородно».

И все же эмоциональный накал патриотических чувств в 30-е гг. выражался больше в стихотворных, а не прозаических жанрах. В стихах, особенно принадлежащих А. С. Пушкину и М. Ю. Лермонтову, героическое прошлое воспринималось в свете настоящего, но по-разному. Еще А. Веселовский заметил, что А. С. Пушкина «тянет к русской старине по связи с настоящим» [Веселовский 1939: 504. В пушкинских стихотворениях («Бородинская годовщина», «Клеветникам России», «Перед гробницею святой») символом былого и сегодняшнего величия страны является «великий день Бородин». По мнению поэта, слава предков рождает гордость потомков, их уверенность в гибели врагов земли русской «среди нечуждых им гробов». В патриотическом цикле стихотворений, посвященных двенадцатому году, А. С. Пушкин мыслит глобально, не в круге только вчерашнего или сегодняшнего дня.

М. Ю. Лермонтов отозвался на героико-трагические события Отечественной войны балладным жанром аллегорического («Два великана»), историко-романтического («Поле Бородин») и философско-исторического («Бородино») содержания. По мнению С. И. Ермоленко, автора интересной монографии «Лирика М. Ю. Лермонтова: жанровые процессы», поэт полагал, что «баллада еще не исчерпала свои возможности», поэтому не расставался с нею, но трансформировал данный традиционный жанр в соответствии с новыми эстетическими запросами времени [Ермоленко 1996: 343, 345]. А они диктовали ему контрастное сопряжение восхищения героическим прошлым с осуждением тусклого настоящего: «Да, были люди в наше время, / Могучее, лихое племя: / Богатыри — не вы» [Лермонтов 1988: 156]. Однако, думается, для начала и середины 1830-х гг., когда еще были свежи воспоминания о Бородинском сражении, о сожженной Москве, о вступлении наших войск в Париж, выразителем общенациональных патриотических настроений был прежде всего А. С. Пушкин. Это понял и об этом писал тогда В. Г. Бе-

линский: «Пушкин был выражением современного ему мира, представителем современного ему человечества; но мира русского, но человечества русского» [Белинский 1955: 72]. Поэтому А. С. Пушкин и В. Г. Белинский в сфере художественного воспроизведения и его читательского восприятия олицетворяют в 30-х гг. первый «пик» интереса к осмыслению исторических событий двенадцатого года.

Им на смену в 60-е гг. приходит тандем в лице Л. Н. Толстого и Н. Н. Страхова. Этих двух корифеев русской словесности и литературной критики сближает очень многое, не только тесная дружба, но и внимание к философии, психологии, истории, в частности к войне 1812 г. Они оба рассматривают ее в свете современных судьбоносных преобразований в стране, необходимость которых была осознана и на правительственном уровне. Не случайно Н. Н. Страхов, посвятивший «Войне и миру» серию статей, названную им критической поэмой в четырех песнях, акцентирует поставленную в эпосе проблему нравственного обновления России. На примере событий полувекковой давности писатель помогает своим читателям понять, по мнению критика, «каким образом и в какой мере идеальные стремления человека осуществляется в действительной жизни» [Страхов 1984: 272]. Вопрос очень важный, актуальный для 60-х годов. Путь внедрения, претворения этих «идеальных стремлений», по мысли Л. Н. Толстого, один: движение человечества, народа, личности к обретению «простоты, добра и правды». В этой триаде писатель, а вместе с ним и критик, видит проявление величия как целого народа, так и отдельного человека. Оно обнаруживается, по мнению Н. Н. Страхова, в одной из самых ярких страниц толстовской эпопеи — в описании Бородинской битвы. «При Бородине, — замечает критик, — друг против друга стояли два народа — один нападающий, другой защищающийся» [Страхов 1984: 235]. Читательское восприятие главного события двенадцатого года опирается не только на авторские суждения, но и на непосредственные наблюдения за ходом сражения со стороны любимого героя Л. Н. Толстого. Созерцая со стороны Кургана приготовления к предстоящему бою, Пьер Безухов убеждается в правоте, справедливости мнения солдата, с которым он встретился на Можайской дороге: «Всем народом навалиться хотят, одно слово — Москва» [Толстой 1980: 198]. Само Бородинское сражение, которое Пьер наблюдает с позиции батареи Раевского, помогает ему понять «скрытую (latente) теплоту патриотизма» русских людей, их «нравственную победу» над коварным врагом. В патриотизме, как и в историзме, в изображении простых людей защитниками своей родины, «в соприкосновении частной жизни с государственною» видит Страхов преемственную связь Л. Н. Толстого с А. С. Пушкиным. Поэтому кри-

тик советует своим современникам: «Именно у А. С. Пушкина и Л. Н. Толстого следует учиться истинному патриотизму» [Страхов 1984: 165].

Однако время создания эпопеи Л. Н. Толстого и «критической поэмы» Н. Н. Стрехова дополнилось новыми социальными проблемами, и на них откликнулись оба литературных деятеля. И писатель, и критик понимают, что патриотизм не исчерпывается только защитой отечества, а предполагает еще и *заботу о его развитии*. В связи с этим Л. Н. Толстой привносит в сознание Пьера отзвуки идей 1860-х гг., а Н. Н. Стрехов его обновление называет олицетворением обновления всей России [Страхов 1984: 327]. Заглавие эпопеи Л. Н. Толстого, как известно, контрастно и полифонично. Один из художественных смыслов наименования этой книги содержит напоминание тогдашним любителям *всяческих потрясений* о том, что война, раздор ослабляет общество, а мир, согласие укрепляет его и тем самым обеспечивает неуязвимость отечества, невозможность иностранного порабощения. Философско-исторический смысл некоторых воззрений Л. Н. Толстого довольно часто вызывал и вызывает возражения у критиков, бывали замечания и у Н. Н. Стрехова к гениальному писателю. Но он, не отрицая, например, что «философия» Л. Н. Толстого подчас мешает жанру его «хроники», сосредоточивает свое внимание на эстетических преимуществах художника в изображении «вечных интересов души человеческой».

К ним, к этим вечным интересам критик прежде всего относит любовь к отечеству, к своему народу, стремление к простоте, добру и правде. Названные «непреходящие интересы», по мнению Н. Н. Стрехова, сближают Л. Н. Толстого с А. С. Пушкиным, дополняя его новыми историческими веяниями и заботами второй половины XIX в.

После 60-х годов, после *второго «пика» осмысления* Отечественной войны 1812 г., ознаменовавшегося выходом в свет гениальной эпопеи Л. Н. Толстого и ее глубокой интерпретацией в статьях Н. Н. Стрехова, эпизодически появлялись исторические романы, в частности Д. Мордовцева («Двенадцатый год», 1879), Г. Данилевского («Сожженная Москва», 1885) о судьбоносном событии минувших лет. Но в них после «Войны и мира» «переакцентуация» героико-трагической темы Отечественной войны сказалась на понижении идейно-художественного уровня ее воспроизведения и осмысления. Поэтому современный читатель воспринимает незабвенную освободительную борьбу 1812—1814 гг. опираясь прежде всего на ее изображение в произведениях А. С. Пушкина и Л. Н. Толстого.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Вопросы поэтики и эстетики. — М.: Худож. лит., 1975.
2. Белинский В. Г. Литературные мечтания // Белинский В. Г. Полн. собр. соч. : в 13 т. — М., 1953. Т. 1. С. 20—104.
3. Белинский В. Г. Недовольные. Оригинальная комедия, соч. М. Н. Загоскина // Белинский В. Г. Полн. собр. соч. : в 13 т. — М., 1953. С. 398—404.
4. Белинский В. Г. Записки о походах 1812 и 1813 годов <А. С. Норова> // Белинский В. Г. Полн. собр. соч. : в 13 т. — М., 1953. Т. 1. С. 159—160.
5. Веселовский А. Н. Избранные статьи. — Л.: Худож. лит., 1939.
6. Ермоленко С. И. Лирика М. Ю. Лермонтова: жанровые процессы. — Екатеринбург, 1996.
7. Лермонтов М. Ю. Сочинения : в 2 т. — М.: Правда, 1988. Т. 1.
8. Пушкин А. С. Собр. соч. : в 6 т. — М.: Правда, 1969. Т. 5.
9. Стрехов Н. Н. Литературная критика. — М.: Современник, 1984.
10. Толстой Л. Н. Собр. соч. : в 22 т. — М.: Худож. лит., 1980. Т. 6.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. С. И. Ермоленко